

- ¹⁶ Statement on Kosovo Meeting of the North Atlantic Council in Foreign Ministers Session on 8 December 1998. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25939.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- ¹⁷ The situation in and around Kosovo. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27435.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- ¹⁸ Statement on the Balkans issued at the Meeting of the North Atlantic Council in Defence Ministers Session held in Brussels. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19563.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- ¹⁹ Prague Summit Declaration. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19552.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- ²⁰ Riga Summit Declaration. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_37920.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- ²¹ The Alliance's New Strategic Concept agreed by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 15.04.2015).
- ²² Стратегическая концепция североатлантического союза. Одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23–24 апреля 1999 г. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 15.04.2015).
- ²³ Штоль В. В. О новой Стратегической концепции НАТО // Обозреватель – Observer. 2010. № 8. С. 47.
- ²⁴ Белоногов А. Л., Усубов оглы Ф. Д. Проблемы трансформации стратегии НАТО в начале XXI в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6, Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. Вып. 1. С. 93–94.
- ²⁵ Активное участие, современная оборона – «Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора». Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 15.04.2015).

УДК 327(100+73)20]

КОНЦЕПЦИЯ «ГОСУДАРСТВ-ИЗГОЕВ»: ПРОЕКТ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. Д. Орехова

Саратовский государственный университет
E-mail: valerie2010@yandex.ru

В статье рассматриваются этапы формирования концепции «государств-изгоев», оцениваются ее сильные и слабые стороны с точки зрения практического применения, проводится анализ содержания с позиций основных теоретических школ. Делается вывод о возможности ее будущей модификации и воздействии на структуру международных отношений.

Ключевые слова: политика США, государства-изгои, теория международных отношений, реализм, либерализм, конструктивизм.

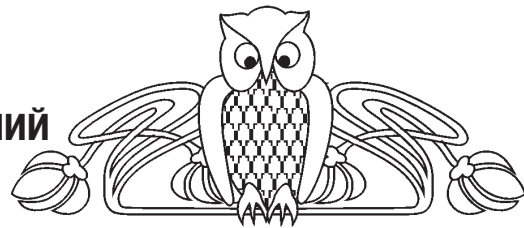
The «Rogue State» Concept as the Project of a Structural Change in the International Relations System

V. D. Orekhova

The article examines the history of the “rogue state” concept, its strong and weak points in terms of practical application; analyses the content in the view of major theoretical schools; concludes the possibility of the concept’s modification in the future and its impact on the structure of international relations.

Key words: USA policy, rogue states, international relations theory, realism, liberalism, constructivism.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-70-75

Введение

Австралийская исследовательница Белинда Хелмке, рассматривая в книге «Под ударом» случаи использования международных вооруженных сил в конфликтах после окончания холодной войны и связанные с этим изменения в международном праве, особое внимание уделяет проблеме «государств-изгоев». По ее мнению, данный концепт прошел долгий путь эволюции. Впервые он был применен по отношению к нацистской Германии в 1942 г. в статье Los Angeles Times¹, однако в публикациях периода Второй мировой войны встречается в основном определение «государство вне закона» (*an outlaw state*), появившееся после создания Лиги Наций, чей устав (статья 16) предусматривал коллективные меры против страны, представляющей угрозу для остальных членов организации. Если есть международно-правовые обязательства, то логично появление и тех, кто их нарушает.

Существовало и другое понятие – «страны-ревизионисты» – оно обозначало группу государств, которые желали пересмотреть положения мирных договоров, сформировавших Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений.

Перечисленные случаи употребления понятий «государства-изгой»/«государства вне закона» не носили массового характера. Тем не менее они свидетельствуют о возникновении подобной стигматизации задолго до оформления соответствующей концепции, возникшей изначально в русле либеральной традиции американской политической мысли, а затем переработанной приверженцами реализма с учетом геополитических интересов США.

Цель данного исследования – определить воздействие концепции «государств-изгоев» на конфигурацию современной мировой политической системы. Для достижения обозначенной цели поставлены следующие задачи: проследить процесс концептуального оформления внешнеполитической линии США в отношении определенной группы стран; сопоставить теоретическое наполнение концепции с практикой ее применения; рассмотреть концепцию с позиций политического реализма, либерализма и конструктивизма.

История оформления концепции

В 1979 г. статья *The Washington Post* поставила на примере режимов Пол Пота в Камбодже и Иди Амина в Уганде вопрос о том, можно ли пренебречь принципом невмешательства во внутренние дела суверенного государства в случае, если в нем происходят систематические нарушения прав человека, т. е. акцент был сделан на *внутренней политике* страны, рискующей попасть в разряд «изгоев»?

В то же время американские исследователи объединили такие прозападные страны, как Израиль, Южная Африка, Тайвань и Южная Корея в группу «государств-парий», представляющих угрозу остальным членам мирового сообщества. В качестве аргумента выбран особый *внешнеполитический курс*: конфликтные отношения сразу с несколькими соседями и уязвимость с военной точки зрения объясняли желание их руководства получить технологии создания ядерного оружия и средств его доставки. Стоит отметить, что термин «государств-парии»² не использовался администрацией Картера на официальном уровне, поскольку относился к партнерам США.

В 1980-е гг. обновляется список «государств-изгоев», а, вместе с тем, и содержание самого понятия. Акцент делается исключительно на угрозе, исходящей от ряда стран, по выражению Р. Рейгана – «корпорации убийц»³ (Иран, Ливия, Северная Корея, Куба, Никарагуа), желающих обеспечить собственную национальную безопасность путем спонсирования терроризма и развития программ ОМУ. За ужесточением риторики Госдепа последовали конкретные действия, в том числе военного характера (бомбардировка Триполи в 1986 г.).

Вместе с тем, в действиях Госдепартамента наблюдалась непоследовательность, проявившаяся

на примере Ирака, исключенного из списка спонсоров терроризма в период с 1982 г. по 1990 г. несмотря на продолжительное сотрудничество Саддама Хусейна с организацией Абу Нидаля, и Пакистана, разрешившего разместить на своей территории базы афганских моджахедов. В этой непоследовательности и проявилось влияние геополитических интересов США на концепцию «государств-изгоев»/«государств вне закона», получившей окончательное оформление в 1990-е гг.

Во-первых, война в Персидском заливе доказала неэффективность стратегии поддержания баланса сил между Ираком и Ираном как инструмента контроля сразу обеих стран. Пришлось отказаться от «заигрывания» с режимом Саддама Хусейна и найти этому объяснение. Основанием для внешнеполитической переориентации стала концепция «государств-изгоев» в «новом издании».

В 1993 г. сотрудник Совета национальной безопасности (СНБ) США, старший директор Департамента по делам Ближнего Востока и Южной Азии, Мартин Индик, выступив с речью в защиту политики двойного сдерживания Ирака и Ирана, объяснил это враждебностью обоих режимов по отношению к США⁴, и уже весной 1994 г. в *Foreign Affairs* вышла статья советника СНБ Энтони Лейка⁵. Ему удалось сформулировать концепцию «государств-изгоев» (в статье используется понятие *backlash states* – «мракобесные государства» – Куба, Иран, Ирак, Ливия, Северная Корея) в либеральном ключе, руководствуясь при этом логикой политического реализма. Приводя в качестве аргумента недемократический характер режимов ряда стран, в которых власть осуществляется за счет подавления и принуждения, нарушений прав человека и насаждения радикальной идеологии, Э. Лейк пришел к выводу о невозможности их конструктивного взаимодействия с внешним миром. Снова в качестве доказательства тезиса послужил пример развития в «государствах-изгоях» программ оружия массового уничтожения и средств его доставки, что представляет угрозу для международной безопасности.

Во-вторых, популярность концепции в кругах американского истеблишмента имеет и другую более серьезную причину, связанную с окончанием холодной войны. Прекращение гонки вооружения как следствие распада Советского Союза означало для США необходимость существенного сокращения военных расходов. Чтобы не допустить этого, в 1989 г. был составлен проект, обосновывающий целесообразность поддержания военной мощи на уровне, достаточном для успешного участия сразу в двух региональных конфликтах одновременно⁶. В следующем году, после вторжения Ирака в Кувейт, Джордж Буш-старший выступил с речью о возникновении новых угроз международной безопасности – терроризма и «государств-изгоев» (в оригинале – *renegade regimes* – «режимы-изменники»), определив тем самым современный

внешнеполитический курс США⁷. Билл Клинтон, будучи представителем Демократической партии, не отказался от вектора, заданного предшественником. Необходимость реструктуризации ВПК и решения задачи повышения его эффективности во многом объясняет, почему в контексте обсуждения вопроса увеличения ракетного потенциала он еще до публикации статьи Э. Лейка начал первым употреблять понятие *rogue state* (по отношению к Ирану и Ливии)⁸.

Тем не менее концепция «государств-изгоев» не была полностью согласована с внешнеполитическим курсом США: использование резкого оценочного высказывания противоречило действиям, направленным на установление диалога и определение сфер сотрудничества со странами, по отношению к которым оно применялось. Госдепартаменту пришлось официально заявить о замене данного термина на выражение «государство, вызывающее озабоченность» (*state of concern*)⁹, которое, впрочем, просуществовало недолго: с июня 2000 г. по февраль 2001 г. (отменено Джорджем Бушем-младшим)¹⁰. События 11 сентября обозначили начало новой эпохи в международных отношениях, связанной с глобальной войной против терроризма. Стратегическим приоритетом США стала нейтрализация «изгоев». Общая радикализация внешней политики обусловила появление еще более одиозного термина – «ось зла»¹¹, к которой в разные периоды причислялись Ирак, Иран, КНДР; Сирия, Куба и Ливия (в трактовке Джона Болтона, заместителя госсекретаря США¹²).

«Мракобесные государства/государства-изгои/государства, вызывающие опасения/режимы-изменники»/«члены корпорации убийц», – вне зависимости от используемого в политическом лексиконе термина суть практически не меняется. Концепция, по мнению А. Джорджа, является лишь вспомогательным инструментом для обозначения нескольких стран, угрожающих национальным интересам США¹³. Это целиком и полностью продукт американской политической культуры, так называемой «гражданской религии»¹⁴, зачастую сводящей проблемы принятия решения к полярным категориям и ценностным ориентациям. «Империя зла», «ось зла» – столь негативное обозначение оппонентов выполняет важную функцию: позволяет добиться поддержки собственного населения в вопросах, решение которых сопряжено с большими затратами и рисками на международной арене.

Концепция, созданная изначально для внутреннего использования, имеет ряд серьезных минусов. И дело даже не в оценке ее объективности и том, насколько этично первым лицам одного государства называть другие страны «изгоями», не имея на то никаких юридических оснований. С точки зрения внешнеполитического применения она накладывает определенные ограничения на тех, кто в своей риторике использует заложенную

в ней логику аргументации. Селективность, сужение пространства для стратегического маневра, а также высокая вероятность встретить непонимание со стороны союзников – это подводные камни, органически присущие рассматриваемой концепции.

Можно задаться, например, вопросом: какое объяснение можно найти тому факту, что в списке «стран-изгоев» долгое время значилась Куба? Правительство острова Свободы не спонсирует террористических организаций, не рассматривает возможность развития программ ОМУ и не является источником напряженности в регионе, т. е. не отвечает ни одному из критериев формирования данного перечня в отличие от Сирии и Судана, которым долгое время удавалось сотрудничать с США. Индия и Пакистан не входят в «ядерный клуб», но это не помешало им провести испытания ядерного оружия, а Соединенным Штатам – придерживаться здравого прагматизма при дальнейшем выстраивании отношений с ними.

Поскольку клеймо «изгоя» уравнивает разных акторов мировой политики, отличающихся по господствующей идеологии, особенностям исторического развития, географическому положению (все они расположены в разных регионах мира), исключается возможность сотрудничества и дифференцированного подхода при выстраивании отношений с каждым из них в отдельности – допустима лишь стратегия изоляции и сдерживания. Демонизация ряда режимов усложняет процесс нормализации отношений с ними. Ярким примером является подписание Рамочного соглашения США с КНДР в 1994 г. и последовавшие выборы в Конгресс – настоящий триумф республиканцев, считавших обязательства, взятые правительством в обмен на гарантию демонтажа северокорейского ядерного реактора, проявлением политики «умиротворения».

Радикальность концепции вызвала непонимание и у союзников США. Введение в 1996 г. санкций против компаний, ведущих бизнес в Иране, Ливии и на Кубе, осложнило отношения с Европейским союзом, негативно воспринявшим попытку американцев расширить действие внутреннего законодательства за пределы национальной юрисдикции¹⁵.

Таким образом, неоднозначность концепции «государств-изгоев» свидетельствует о том, что основная ее функция – подготовка общественного мнения к принятию ответственных и зачастую непопулярных внешнеполитических решений (увеличение военных расходов, введение санкций и т. д.). Являясь частным случаем обозначившейся в XXI столетии тенденции обуславливать вмешательство во внутренние дела суверенного государства гуманитарными соображениями, она заслуживает не только рассмотрения с точки зрения опыта ее применения в мировой практике, но и оценки с позиций теории международных отношений.

Место концепции в теории международных отношений

Наверное, каждый исследователь, сталкивающийся с концепцией «государств-изгоев», в первую очередь должен ответить на три важных вопроса. Во-первых, каков характер международной среды? во-вторых, где проходит граница, переступив через которую страна признается «изгоем»? в-третьих, кто решает, были эти границы нарушены или нет?

Реалисты полагают, что международная среда по своей природе анархична, конфликтна и представляет собой поле взаимодействия государств, в котором определяющую роль играют влияние, измеряемое материальными возможностями, и конкуренция между великими державами, а основной принцип выживания – «помоги себе сам». Тогда при отсутствии верховной власти, регулирующей взаимоотношение между акторами, чьи интересы часто вступают в противоречие, существование «изгоев» невозможно по определению. Однако представители школы не отрицают, что между наиболее влиятельными странами может возникнуть консенсус: условия сохранения такого баланса становятся всеобщим законом, лишь подтверждающим доминирование гегемонов. Следовательно, не подчиняющиеся ему государства оказывают дестабилизирующее воздействие на равновесную систему международных отношений, эти «раздражители» с легкой руки американских политиков стали называться в XXI столетии «изгоями».

Что касается неореализма, то в соответствии с его положениями международные отношения – это структурированная система, накладывающая ограничения на действия ее элементов. Государства, руководствующиеся мотивом выживания, в зависимости от собственного потенциала могут выбирать разные модели взаимодействия с другими акторами¹⁶: сохранение баланса сил или, по версии Стивена Уолта, баланса угроз¹⁷, примыкание или *bandwagoning* (объединение с государством, представляющим потенциальную угрозу, ради обеспечения собственной безопасности, а также извлечения выгоды по принципу «волк и шакал»¹⁸). Страны, относящиеся к группе «изгоев», не обладают достаточной мощностью для того, чтобы нарушить сложившийся после окончания холодной войны баланс сил, в то же время они не создают коалиций или постоянно действующих механизмов политических консультаций, т. е. действуют изолированно друг от друга. Выходит, неореализм может предложить для объяснения их поведения только теорию «баланса угроз», но и она не работает. По мнению исследователя Пола Хойта¹⁹, если бы «изгои» на самом деле ассоциировались с серьезной угрозой для международной безопасности (в контексте разработки ОМУ, а также спонсирования терроризма), то остальные члены мирового сообще-

ства, обладающие большими экономическими и военными возможностями, стремились бы ее нейтрализовать в кратчайший срок. Тем не менее на практике этого не происходит.

Если реализм делает акцент на унитарном характере государств, тем самым во многом упрощая картину международных отношений, то либерализм акцентирует внимание исследователей на различиях в экономических системах, политических традициях, культурных особенностях стран. Сторонники данной парадигмы обосновывают необходимость для большинства акторов мировой политики прийти к общему знаменателю, позволяющему отказаться от насилия при разрешении конфликтов. Тем не менее теория демократического мира не объясняет, почему не все авторитарные страны причисляются к «изгоям». Важным условием, согласно Стратегии национальной безопасности США от 2002 г., остается «ненависть к Соединенным Штатам и ко всему, что они поддерживают»²⁰.

Неолиберализм, подчеркивающий значение международных организаций и институтов, призванных упорядочить мировые политические процессы, позволяет выявить основание причисления группы стран к «изгоям»: систематическое нарушение ими основных положений международного права разрушает основы безопасности. Опять возникает логическое противоречие: не все нарушители международного права становятся «изгоями», классическим подтверждением является незаконное вторжение коалиционных сил под эгидой США в Ирак в 2003 г.

Подход конструктивистов заключается в том, что акторы (представители данной школы оперируют в основном понятием «агенты») принимают решения, руководствуясь общими принципами, из которых строится каркас всей структуры международных отношений. Этот «скелет» не статичен, поскольку, диктуя поведение различных его компонентов и в то же время испытывая на себе их давление²¹, меняется сам, постоянно оставаясь в «границах интересубъективности» (взаимопонимания).

Приверженность общепринятым в мировом сообществе взглядам сковывает свободу государств в их политическом выборе по двум направлениям. Во-первых, формулировки, «исключающие» (концепция «государств-изгоев»), равно как и обосновывающие чью-либо «исключительность» (тезис об исключительности американской нации), предписывают странам строгую модель поведения, которой нужно придерживаться во избежание международной изоляции. Во-вторых, в случае возникновения новых «норм» и «идей» остальные агенты вынуждены реагировать на них: принимать, подстраиваться или сопротивляться. К примеру, долгое время во французском и немецком языках не существовало адекватных эквивалентов концепту «государство-изгой», они появились лишь в конце 1990-х гг.

Это свидетельствует о том, что несмотря на несогласие с подобной стигматизацией, европейцам пришлось выработать вслед за американцами терминологический аппарат для рассмотрения проблемы, внесенной Вашингтоном в международную повестку дня.

Изучение границ интерсубъективности позволяет прогнозировать, насколько долго идея (концепция «государств-изгоев») будет влиять на мировую политику. В частности, европейские партнеры США в итоге смогли выступить с критикой не только самой концепции, но и унилатерализма, отличавшего американскую внешнюю политику в период президентства Дж. Буша-младшего, когда ее курс был плавно изменен после прихода к власти Барака Обамы. В то же время возможно допустить, что поменялся не вектор, а общая риторика. По крайней мере, концепт «государство-изгой» не встречается в дипломатическом словаре Белого дома, а используется более политкорректный – «обособленное государство» (*outlier state*)²².

Сотрудница Йельского университета Элизабет Саундерс²³ считает, что при изучении концепции «государств-изгоев» необходимо осуществить синтез либерализма и конструктивизма. Либерализм большое внимание уделяет внутренним факторам, влияющим на принятие внешнеполитических решений. Конструктивизм объясняет процесс возникновения, распространения и формирования интерсубъективных «норм» на международном уровне. Стоит также учитывать, что принятие новой «нормы», «идеи» приводит к перераспределению сил в мировом масштабе. Следовательно, в анализе должны учитываться категории «сила» и «влияние» в том значении, которое предлагает реализм.

Статья Э. Саундерс была опубликована в 2006 г. и, следовательно, не учитывает изменившихся к настоящему времени политических реалий. Концепция «государств-изгоев» перестала быть столь обсуждаемой после 2009 г., когда президентом США стал Б. Обама. Под воздействием усиливающейся с каждым годом критики со стороны других акторов (Франция, Германия, Россия, Китай, ряд стран Латинской Америки) новая американская администрация стала искать индивидуальные подходы при выстраивании двусторонних отношений с «изгоями». То есть у Соединенных Штатов не хватило ресурсов и влияния для того, чтобы навязать мировому сообществу данную концепцию и сделать ее интерсубъективной и, стало быть, структурообразующей. Пришлось от нее отказаться и руководствоваться при выстраивании внешнеполитического курса другими аргументами – общепринятыми в мировом сообществе «нормами» и «идеями» – идеалами демократии и прав человека. В то же время сама концепция не перестала быть актуальной. Она пережила своеобразный «ренессанс» в 2014 г., когда в ведущих мировых СМИ появилось несколько публикаций с концептом «изгой» уже по отношению к России²⁴,

находящейся под действием международных санкций, основная цель которых – заставить нашу страну изменить позицию по Украине.

Заключение

Разграничение на «своих» и «чужих», зачастую являющееся отправной точкой в мировых политических процессах, на каждом историческом этапе принимает разные формы. Одна из них – концепция «государств-изгоев», предложенная Соединенными Штатами и прошедшая с начала 1980-х гг. длительную эволюцию под воздействием внутри- и внешнеполитической конъюнктуры. Данная концепция представляет собой «искусственный», «сфабрикованный» продукт, поскольку создана без глубокого теоретического осмысления и проработки для выполнения определенного набора функций. Среди них: обеспечение поддержки электората в момент принятия непопулярных в обществе решений; возможность предоставления заказов предприятиям американской военной промышленности, оказывающим значительное влияние на политику страны; формирование международной повестки дня после распада СССР; общая переориентация союзников с целью сохранения лидерских позиций США в мире. В то же время несоответствия между положениями концепции и практикой ее реализации свидетельствуют о том, что она имеет серьезные противоречия, очевидные при анализе с позиций основных теоретических школ. Созданная американскими политиками, действующими в соответствии с логикой реализма, концепция повлияла на развитие международных отношений, и теперь для ее оценки и понимания необходим синтез нескольких теоретических подходов и школ, в том числе либерализма и конструктивизма.

Для исследователя представляет интерес, каким образом «сфабрикованная» концепция, несущая на себе отпечаток американской политической культуры и присущих ей ценностей, смогла претендовать на то, чтобы стать интерсубъективной, то есть поддерживаемой всеми членами мирового сообщества (разумеется, за исключением тех, кто в соответствии с ней признается «изгоями»); почему этого не произошло и какова вероятность ее модификации с тем, чтобы она стала «универсальной нормой».

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Политика Китая в отношении “государств-изгоев”» (№ 15–37–01208).

Примечание

¹ Helmke B. Under Attack : Challenges to the Rules Governing the International Use of Force. Ashgate Publishing, 2010. P. 198.

- ² *Harkavy R. E.* Pariah States and Nuclear Proliferation // International Organization. 1981. Vol. 35, № 1. P. 135–163.
- ³ *Lama G.* Reagan Condemns 5 «Outlaw» Nations // Chicago Tribune. 1985. July 9. URL: http://articles.chicagotribune.com/1985-07-09/news/8502140196_1_terror-and-outright-acts-confederation-of-terrorist-states-outlaw-nations (дата обращения: 05.04.2015).
- ⁴ *Litwak R.* Rogue States and U. S. Foreign Policy : Containment after the Cold War. Woodrow Wilson Center Press, 2000. P. 59.
- ⁵ *Lake A.* Confronting Backlash States // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73, № 2. P. 45–55.
- ⁶ *Бартнев В.* Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США // Международные процессы. 2009. № 1. URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/008.htm> (дата обращения: 10.04.2015).
- ⁷ *Bush G.* Remarks at the Aspen Institute Symposium in Aspen, Colorado // The American Presidency Project. 1990. August 2. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18731> (дата обращения: 15.04.2015).
- ⁸ *Clinton W. J.* Remarks to Future Leaders of Europe in Brussels // The American Presidency Project. 1994. January 9. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=49643> (дата обращения: 20.04.2015).
- ⁹ *Marquis Chr.* U. S. Declares «Rogue Nations» Are Now «States of Concern» // The New York Times. 2000. June 20. URL: <http://www.nytimes.com/2000/06/20/world/us-declares-rogue-nations-are-now-states-of-concern.html> (дата обращения: 22.04.2015).
- ¹⁰ *Litwak R.* Regime Change : U. S. Strategy through the Prism of 9/11. JHU Press, 2007. P. 37.
- ¹¹ *Bush G.* President Delivers State of the Union Address // The White House. 2002. January 29. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (дата обращения: 26.04.2015).
- ¹² US Expands «Axis of Evil» // BBC. 2002. May 6. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/1971852.stm> (дата обращения: 28.04.2015).
- ¹³ *George A. L.* Bridging the Gap : Theory and Practice in Foreign Policy. United States Institute of Peace Press, 1993. P. 48.
- ¹⁴ *Bellah R. N.* Civil Religion in America // Robert N. Bellah. URL: http://www.robertbellah.com/articles_5.htm (дата обращения: 28.04.2015).
- ¹⁵ *Davidson N.* U. S. Secondary Sanctions : The U. K. and EU Response // Stetson Law Review. 1998. URL: <http://www.stetson.edu/law/lawreview/media/u-s-secondary-sanctions-the-u-k-and-e-u-response.pdf> (дата обращения: 29.04.2015).
- ¹⁶ *Waltz K.* Theory of International Politics. Addison-Wesley, 1979.
- ¹⁷ *Walt Sr. M.* Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security. 1985. Vol. 9, № 4. P. 3–43.
- ¹⁸ *Schweller R. L.* Bandwagoning for Profit. Bringing the Revisionist State Back In // International Security. 1994. Vol. 19, № 1. P. 72–107.
- ¹⁹ *Hoyt P. D.* «Rogue States» and International Relations Theory // J. of Conflict Studies. 2000. URL: <http://journals.hil.unb.ca/index.php/jcs/article/view/4312/4926#14> (дата обращения: 23.04.2015).
- ²⁰ The National Security Strategy of the USA // U. S. Department of State. 2002. P. 14. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (дата обращения: 28.04.2015).
- ²¹ *Wendt A.* Anarchy is what States Make of it : The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46, № 2. P. 391–425.
- ²² *Litwak R. S.* Outlier States : American Strategies to Change, Contain, or Engage Regimes. Woodrow Wilson Center Press ; Johns Hopkins University Press, 2012.
- ²³ *Saunders E. N.* Setting Boundaries : Can International Society Exclude «Rogue States»? // International Studies Review. 2006. URL: <http://home.gwu.edu/~esaunder/roguestates.pdf> (дата обращения: 26.04.2015).
- ²⁴ *Coughlin C.* Ukraine Crisis : We Have to Stand up to Russia – It's a Rogue State // The Telegraph. 2014. March 17. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/9131313/Ukraine-crisis-we-have-to-stand-up-to-Russia-its-a-rogue-state.html> (дата обращения: 30.04.2015).

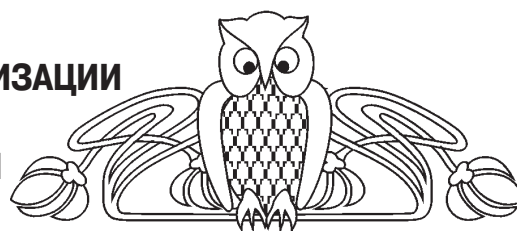
УДК 327 (4/5) [20]

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ НА ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Д. С. Алексеев

Саратовский государственный университет
E-mail: alexeyevds@rambler.ru

В статье рассмотрены основные вызовы на пути процессов евразийской интеграции. Автор анализирует потенциальные препятствия и сложности, которые могут формироваться в ходе конкуренции России с различными региональными и внерегиональными игроками на постсоветском пространстве, такими

как США, ЕС и Китай. В статье даются некоторые прогнозы развития интеграционных и дезинтеграционных тенденций в Евразии. Ряд выводов, к которым приходит автор, могут быть реализованы в ходе формирования внешнеполитической линии России.

Ключевые слова: Внешняя политика России, Евразийский экономический союз, Таможенный союз, постсоветское пространство, евразийская интеграция, восточное партнерство.